

Антон БОТЕВ

Антон Ботев родился в 1979 году в г. Кирове. В «Волге» дебютировал с повестью «Кот Шредингера» (№7-8, 2013), победившей впоследствии в литературной премии «Дебют» в номинации «Фантастика». Предыдущая публикация – «Четвертый слой реальности» (2022, № 5-6).

ВЕЛИКАЯ ТАЙНА И УЖАСАЮЩАЯ ГЛУБИНА СМЕРТИ И ВЕЧНОСТИ

Действующие лица (в порядке появления на сцене):

НИКОЛАЙ
ПЕТР
СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК
КЛИМ
ДЯДЯ ЖОРА

(Комната в хрущевке. Из необходимого – письменный стол и шкаф или полка с книгами. За столом друг напротив друга сидят Петр и Николай. Свет погашен, на столе стоит несколько свечей, нарисована пентаграмма.)

Действие I

НИКОЛАЙ: Чувствуешь холод?

ПЕТР: Нет.

НИКОЛАЙ: А я чувствую.

ПЕТР: Ты вообще чувствительнее меня.

НИКОЛАЙ: Да. Я чувствую чье-то присутствие.

ПЕТР: Сейчас или вообще?

НИКОЛАЙ: Сейчас.

ПЕТР: А я нет.

НИКОЛАЙ: Это была не необходимая реплика. Я и так знаю, что не чувствуешь.

ПЕТР: Откуда?

НИКОЛАЙ: Ты сам только что сказал.

ПЕТР: Я сказал, что не чувствую холода, а не чьего-то присутствия.

НИКОЛАЙ: Дух манифестирует себя посредством холода. Постарайся поменьше говорить без необходимости.

ПЕТР: Почему?

НИКОЛАЙ: Может, его раздражают не необходимые реплики. Есть здесь кто-нибудь усопший, превратившийся в духа?

(Молчание.)

НИКОЛАЙ: Пожалуйста, если есть здесь усопшая душа, покинувшая юдоль земную, прояви себя.

(Два стука.)

ПЕТР: Слышал?!

НИКОЛАЙ: Помолчи. Извините, пожалуйста, дорогой дух, это не вам. *(Явно ждет ответа.)*

(Пауза.)

ПЕТР: Почему он молчит?

НИКОЛАЙ: Ты его спугнул. Я говорил, он не любит тупой болтовни.

ПЕТР: Может, он молчит потому, что ждет вопроса?

НИКОЛАЙ: Может быть. Дорогой дух, ты здесь?

(Два стука.)

ПЕТР: Интересно, два стука означают «да» или «нет»? Я думаю, «да».

НИКОЛАЙ: А я думаю, «нет».

ПЕТР: Это было бы тупо.

НИКОЛАЙ: Почему?

ПЕТР: Как дух может сказать, что его нет? Это то же самое, что сказать: «Я лжец». Правдивый человек так не скажет, потому что он не лжец, а лжец так не скажет, потому что он, получается, скажет правду. А такого быть не может потому, что он лжец.

НИКОЛАЙ: А если он ошибается?

ПЕТР: Кто ошибается?

НИКОЛАЙ: Правдивый человек думает, что он лжец, и говорит тем самым правду. То есть субъективно он говорит правду, но объективно он лжет.

ПЕТР: Но если он говорит правду, то он не может считать, что он лжец.

НИКОЛАЙ: Так он ошибается! Или вот, наоборот, лжец думает, что он правдивый человек, но на самом деле он лжец, и говорит: «Я лжец», подразумевая, что на самом деле он правдивый. Субъективно он лжец, и объективно он тоже лжец, а правду он сказал по ошибке.

ПЕТР: Но тем самым он перестает быть...

(Петра прерывают два стука.)

НИКОЛАЙ: Прости нас, дорогой дух. Скажи нам, усопшая душа, два удара обозначают «да» или «нет»?

(Молчание.)

НИКОЛАЙ: Почему он теперь молчит?

ПЕТР: А как он тебе ответит? Он может говорить только «да» или «нет», а ты задал вопрос, на который нельзя ответить ни «да», ни «нет».

НИКОЛАЙ: А мы даже не знаем, что из этого «да», а что «нет».

ПЕТР: Мы знаем.

НИКОЛАЙ: Мы знаем, но не уверены.

ПЕТР: Можно морзянкой.

НИКОЛАЙ: Морзянкой?

(Несколько стуков морзянкой.)

ПЕТР: Ты знаешь азбуку Морзе?

НИКОЛАЙ: Нет.

ПЕТР: И я нет.

НИКОЛАЙ: Так чего ты ее предложил?

ПЕТР: Я думал, ты знаешь.

НИКОЛАЙ: Я что, моряк?

ПЕТР: Нет.

НИКОЛАЙ: Вопрос риторический. Твой ответ не был необходим.

(Пауза.)

НИКОЛАЙ: Дух, ты здесь?

(Два стука.)

НИКОЛАЙ: Два стука это «да»?

(Два стука.)

НИКОЛАЙ: Дух, скажи «да».

(Два стука.)

ПЕТР: Вот видишь! Я говорил, что «да» это два стука.

НИКОЛАЙ: Это не необходимая реплика. Замолчи. Дух, это я не тебе. Скажи «нет».

ПЕТР: Нет.

(Одновременно с его словами доносится три стука.)

НИКОЛАЙ: Я не тебе! Спасибо, дух. Значит, «нет» – это три стука?

(Три стука.)

ПЕТР: Он говорит «нет».

НИКОЛАЙ: «Нет», что «нет» означает три стука? А сколько тогда стуков «нет»?

ПЕТР: Пока мы знаем только, сколько стуков будет «да».

НИКОЛАЙ: Сколько?

ПЕТР: Два.

НИКОЛАЙ: Да, точно. Дух, сколько стуков будет «нет»?

(Три стука.)

ПЕТР: Он постучал три раза.

НИКОЛАЙ: Я слышал, сколько раз он постучал. Ты думаешь, я глухой?

ПЕТР: Что?

НИКОЛАЙ: Ты думаешь, я глухой?

ПЕТР: Что?

НИКОЛАЙ: Я не глухой. Может, он просто так постучал три раза. Три раза может обозначать и «нет», и «три». Обрати внимание, что уже в...

ПЕТР: Но он три раза постучал и на вопрос, будет ли три стука «нет».

НИКОЛАЙ: Может, он просто ошибся. Дух, ты ошибся?

ПЕТР: Так он тебе и признается, если ошибся.

(Два стука.)

НИКОЛАЙ: Видишь! Ошибся.

(Два стука.)

НИКОЛАЙ: В итоге, дух, если ты стучишь два раза, это означает «да», а если стучишь три раза, это означает «нет». Правильно?

ПЕТР: Да.

НИКОЛАЙ: Не тебя спрашивают!

(Два стука.)

НИКОЛАЙ: Скажи «да»!

(Два стука.)

НИКОЛАЙ: Скажи «нет»!

(Три стука.)

НИКОЛАЙ: Скажи «да»!

(Два стука.)

НИКОЛАЙ: Скажи «нет»!

(Три стука.)

НИКОЛАЙ: Скажи «да»!

(Два стука.)

НИКОЛАЙ: Скажи «нет»!

(Три стука.)

ПЕТР: Прости, я тебя перебил.

НИКОЛАЙ: Ты его не перебивал.

ПЕТР: Я перебил ТЕБЯ.

НИКОЛАЙ: Правда, что ли?

ПЕТР: Ты говорил «Обрати внимание, что уже».

НИКОЛАЙ: И все?

ПЕТР: И все.

НИКОЛАЙ: Мне нужен контекст. В каком контексте я это сказал?

ПЕТР: Ты сказал это, когда я сказал, что он постучал три раза.

НИКОЛАЙ: Три раза как «да» или три раза как «три»?

ПЕТР: Не знаю. И так, и так может быть.

НИКОЛАЙ: А, вспомнил! Обрати внимание, что уже в этом примитивном языке мы наблюдаем омонимию.

ПЕТР: Если ты говоришь, что язык примитивный – вдруг дух обидится?

НИКОЛАЙ: Язык примитивный, а дух не примитивный. Сам дух очень сложная и многогранная личность, разумеется. Мы тоже сложнее нашего языка.

ПЕТР: Мы тоже сложные и многогранные личности.

НИКОЛАЙ: Точно. Дух, ты обиделся?

(Два стука и, после короткой паузы, один стук.)

ПЕТР: Сколько раз он постучал?

НИКОЛАЙ: Два.

ПЕТР: Или три.

НИКОЛАЙ: Или три. Дух, сколько раз ты постучал?

(Три стука, в этот раз пауза после первых двух существенно короче.)

НИКОЛАЙ: Опять три.

ПЕТР: «Три» обозначает «нет» или «три»?

НИКОЛАЙ: Конечно, «три»! Как ты себе представляешь разговор? «Дух, сколько раз ты постучал? Нет!»?

ПЕТР: А что такого?

НИКОЛАЙ: Это было бы глупо.

ПЕТР: Может, он просто не хочет говорить.

НИКОЛАЙ: Он бы тогда сказал «Не хочу говорить».

ПЕТР: Он не умеет говорить «Не хочу говорить». Он умеет говорить только «да» и «нет». «Нет» гораздо ближе к «не хочу говорить», чем «да».

НИКОЛАЙ: Дух, ты сказал «не хочу говорить», «нет» или «три»?

(Три стука.)

ПЕТР: Он опять постучал три раза.

НИКОЛАЙ: И что это означает?

ПЕТР: Не знаю.

НИКОЛАЙ: Дух, что это означает?

(Пауза.)

НИКОЛАЙ: Дух, ты здесь?

(Два стука.)

ПЕТР: Он как-то раздраженно стучит. Давай к делу.

НИКОЛАЙ: Приветствую тебя, дорогой дух!

(Два стука.)

ПЕТР: Это он так здоровается, наверно. Опять омонимия.

НИКОЛАЙ: Почему?

ПЕТР: Ну как ты это себе представляешь? «Приветствую тебя, дорогой дух! Да».

НИКОЛАЙ: А что, я так часто делаю.

ПЕТР: Это тупо.

НИКОЛАЙ: Ладно, ладно. Два стука означает «здравствуйте»?

ПЕТР: Наверно.

(Одновременно с репликой Петра доносится один стук.)

НИКОЛАЙ и ПЕТР: Что? Мы не расслышали. Сколько раз ты постучал?

НИКОЛАЙ: Я не тебе, чего встречаешь?

(Одновременно с этим один стук.)

НИКОЛАЙ: Так, теперь молчи. Это я Петру говорю молчать, а ты, многоуважаемый дух, повтори, пожалуйста, сколько раз ты сейчас стукнул. Один?

(Два стука.)

НИКОЛАЙ: Два?

(Три стука.)

НИКОЛАЙ: Просто постучи столько же раз, сколько постучал тогда.

ПЕТР: Ты не сказал когда тогда.

НИКОЛАЙ: Он понял. Ты понял, дух?

(Два стука.)

НИКОЛАЙ: Видишь, он понял. Поумнее тебя будет. Так сколько раз ты тогда постучал?

(Один стук.)

ПЕТР: Я тебе не перебивал, а теперь скажу. Зачем ты назвал ему мое имя?

НИКОЛАЙ: А что?

ПЕТР: Он теперь будет знать мое имя.

НИКОЛАЙ: И что?

ПЕТР: У него будет власть надо мной. Он будет являться ко мне по ночам в кошмарах.

НИКОЛАЙ: Не будет.

ПЕТР: Будет.

НИКОЛАЙ: Не будет.

ПЕТР: Откуда ты знаешь?

НИКОЛАЙ: Будешь являться к Петру в кошмарах?

(Три стука.)

НИКОЛАЙ: Видишь, не будет, успокойся.

ПЕТР: Ну раз не будет, я думаю, и ты не обидишься, если я скажу ему твое имя.

НИКОЛАЙ: Зачем это?

ПЕТР: Ну ты же мое сказал.

НИКОЛАЙ: Это лишнее.

ПЕТР: Так несправедливо.

НИКОЛАЙ: Справедливо.

ПЕТР: Несправедливо.

НИКОЛАЙ: Справедливо.

ПЕТР: Его зовут Николай!

НИКОЛАЙ: Ладно, говори, сколько хочешь. Он все равно тебя не слышит. С духом может общаться только медиум.

ПЕТР: Спроси его, правда это или нет.

НИКОЛАЙ: Это правда?

(Два стука.)

ПЕТР *(кричит)*: Его зовут Николай! Его зовут Николай! Его зовут Николай! Его зовут Николай! Его зовут Николай! Его зовут Николай! Его зовут Николай! Его зовут Николай! Его зовут Николай!

НИКОЛАЙ: Успокойся уже.

ПЕТР: Нет, не успокоюсь! Его зовут Николай! Его зовут Николай! Нет, не успокоюсь! Его зовут Николай! Его зовут Николай!

НИКОЛАЙ: Ладно, давай к делу.

ПЕТР *(мгновенно становится серьезным)*: Давай.

НИКОЛАЙ: Дух, ты здесь?

(Два стука.)

ПЕТР: Черт, я забыл.

НИКОЛАЙ: Что ты забыл?

ПЕТР: Два стука это «да», а три «нет», или наоборот?

НИКОЛАЙ: Вроде два – «да», три – «нет». Но там один раз был вообще один стук. Что он означает?

ПЕТР: Не знаю.

НИКОЛАЙ: Он означает «не знаю», или это ты не знаешь?

ПЕТР: Не знаю.

НИКОЛАЙ: Но ты вообще помнишь, о чем шла речь?

ПЕТР *(стучит три раза по столу)*: Нет.

НИКОЛАЙ: Зачем ты стучишь по столу?

ПЕТР *(стучит один раз по столу)*: Не знаю.

НИКОЛАЙ: Ты Петр?

ПЕТР *(стучит три раза по столу)*: Да.

НИКОЛАЙ: Кажется, я понял.

ПЕТР: Что ты понял?

НИКОЛАЙ: Почему ты все время стучишь по столу.

ПЕТР: Почему?

НИКОЛАЙ: Дух узнал твое имя. Теперь он вселился в твое тело. И стучит тобой за себя.

(Петр два раза стучит по столу.)

ПЕТР: Но я же могу говорить за себя! Я осознаю, что я Петр.

НИКОЛАЙ: А ты можешь встать, например?

ПЕТР *(в ужасе)*: Не могу.

НИКОЛАЙ: Ну вот видишь. Возможно, он не может полностью тобой овладеть, а возможно, это просто вопрос времени.

ПЕТР: Мне страшно.

НИКОЛАЙ: Естественно. Знаешь, как мне страшно!

ПЕТР: Я хочу встать и бегать от ужаса, но я не могу!

НИКОЛАЙ: А вот я, пожалуй, убегу. Ладно, все, пока. *(Собирает бумажки со стола.)*

ПЕТР: погоди, не уходи!

НИКОЛАЙ: А вдруг ты меня решишь задушить или еще что?

ПЕТР: Спроси его!

НИКОЛАЙ: Дух, ты будешь нам причинять вред?

(Петр в ужасе смотрите, как его рука три раза стучит по столу.)

НИКОЛАЙ: Я забыл, три раза обозначает «да» или «нет»?

ПЕТР: «Нет»! Три раза обозначает «нет»!

НИКОЛАЙ: Точно?

ПЕТР *(два раза стучит по столу)*: Да!

НИКОЛАЙ: Обещаешь не причинять нам вреда?

(Петр два раза стучит по столу.)

НИКОЛАЙ: Клянешься бездной ледяной, Геенной огненной, самим Сатаной и всеми его ангелами ада, что не причинишь нам, Хавронкину Петру Сергеевичу, дата и место рождения девятнадцатого ноября тысяча девятьсот девяносто шестого года, город Киров, и Козлову Антону Николаевичу, дата и место рождения девятого мая тысяча девятьсот восемьдесят пятого года, город Киров, никакого вреда?

(Петр два раза стучит по столу.)

НИКОЛАЙ: Клянешься?

(Петр два раза стучит по столу.)

НИКОЛАЙ: Поклянись в третий раз!

(Петр два раза стучит по столу.)

НИКОЛАЙ: Он клянется.

ПЕТР: Зачем ты его обманул? Ты же не Козлов.

НИКОЛАЙ: Я знаю, что я не Козлов. Ты debil, что ли? Конечно, чтобы он не овладел мной.

ПЕТР: Но ты же заставил его поклясться, что он не причинит тебе вреда?

НИКОЛАЙ *(самодовольно)*: Да. Видишь, и вреда не причинит, и не овладеет. Одни плюсы, никаких минусов.

ПЕТР: Это он Козлову никакого вреда не причинит, а не тебе. Ты для него никто и звать тебя никак.

НИКОЛАЙ: Зато он им и овладеет. Смерть физическая ничто по сравнению со смертью духовной.

ПЕТР: Ты веришь в бога?

НИКОЛАЙ: Это не необходимая информация.

ПЕТР: Может, позвонить Козлову, узнать, овладел ли?

НИКОЛАЙ: Наверно, не стоит.

ПЕТР: Почему?

НИКОЛАЙ: Он пока владеет тобой. Я не хочу выяснять, такой ли уж он могущественный, что овладел сразу двумя.

ПЕТР: А я хочу.

НИКОЛАЙ: Так сам и позвони!

ПЕТР: Я не могу, меня тело не слушается.

НИКОЛАЙ: А я не буду.

ПЕТР: Позвони.

НИКОЛАЙ: Не буду. Тем более, это не тот Козлов. У нашего день рождения другой.

ПЕТР: А он точно не причинит нам вреда?

НИКОЛАЙ: Ну он же поклялся.

ПЕТР: Не знаю, насколько ему можно верить.

НИКОЛАЙ: Дух, ты здесь?

(Петр два раза стучит по столу.)

НИКОЛАЙ: Насколько тебе можно верить?

(Петр в удивлении смотрит, как его рука молотит по столу.)

НИКОЛАЙ: Это значит, что тебе можно супер-верить?

(Петр стучит по столу последние два раза.)

ПЕТР: Рука болит.

НИКОЛАЙ: Сочувствую. Но что теперь, не спрашивать его, что ли?

ПЕТР: Ну, спрашивай тогда, покончим с этим и дело с концом.

НИКОЛАЙ: Дух, ты можешь открыть нам великую тайну и ужасающую глубину смерти и вечности?

(Петр два раза стучит по столу.)

НИКОЛАЙ: Отлично. Открывай же!

(Раздается три стука, но это не Петр.)

НИКОЛАЙ: Ты не будешь открывать нам великую тайну и ужасающую глубину смерти и вечности?

(Три стука.)

НИКОЛАЙ: Но ты же только что пообещал нам, что откроешь?

(Петр два раза стучит по столу.)

НИКОЛАЙ: А почему не будешь открывать?

(Три стука.)

ПЕТР: Ты долго будешь стоять?

НИКОЛАЙ: В смысле?

ПЕТР: Пиццу принесли. Иди возьми пиццу, идиот.

НИКОЛАЙ *(удаляясь за пиццей)*: Сам идиот.

ПЕТР: Дебил.

(Пока Николая нет, Петр встает из-за стола, делает разнообразные нелепые движения, например, пытается пустить волну, как в брейк-дансе, подпрыгивает, трясется и т.д., бормочет и напевает.)

ПЕТР: А вот трэк «земля внизу»: надо ухо к земле приложить, только не напрягайся, сначала длинные гудки пойдут, потом кто-то спрашивает про зайца, потом чей-то плач и мама говорит: «Ну что же ты продолжай продолжай», «любит до страсти свой низменный край», детский голос читает стишок, звонит телефон, вода из бачка льется, стишок продолжается, сыплется порошок, кто-то на заднем плане смеется, ничего ужасного вроде бы нет и не намечается, дед Мазай цепляет к лодке бревно, если прислушаться, голос уже не тот, но стишок продолжается, интонация не меняется, струя воды разбивается о дно раковины, дребезжит холодильник, мама моет посуду, вода течет, издает характерные звуки будильник, а стишок продолжается, начинает строчку Ваня, а заканчивает Таня, между ними нет разрывов, тембр меняется бесшовно, равномерно, непрерывно, слышен шума ветер ровный, голос мамы терпеливый: «ну что же ты что же ты продолжай», стишок продолжается: «ладно, любуйся, а нам не мешай», стишок продолжается, трэк «земля внизу»: обычные бытовые звуки, закипает чайник, льется в чашку кипятков, мама встряхивает пододеяльник, папа опустошает сливной бачок, продолжается стишок, разогревается паяльник, ничего страшного, ничего страшного нет, ничего страшного, ничего страшного нет.

НИКОЛАЙ: Чего это ты поешь?

ПЕТР: Я открываю тебе великую тайну и ужасающую глубину смерти и вечности, debil.

НИКОЛАЙ: Сам debil.

ПЕТР: Идиот.

НИКОЛАЙ: Ну хватит ругаться.

ПЕТР: Я таких тупоумных людей в жизни не видал. И ты, и друган твой.

НИКОЛАЙ: Какой друган мой?

ПЕТР: Ты не понял, что ли? Дебил.

НИКОЛАЙ: Нет.

ПЕТР: Друган твой Хавронкин Петр Сергеевич, девятнадцатого ноября тысяча девятьсот восемьдесят шестого года, город Киров, третий роддом. «Друг мой, Петька!» – знаешь, такой фильм был?

НИКОЛАЙ: Колька.

ПЕТР: Что Колька?

НИКОЛАЙ: «Друг мой, Колька!»

ПЕТР: А, ну да.

НИКОЛАЙ: Так ты и есть Петька.

ПЕТР: Во debil! Я дух, который вы со своим Петькой вызывали.

НИКОЛАЙ: Ты им овладел?

ПЕТР: Да.

НИКОЛАЙ: А чего тогда не стучишь два раза?

ПЕТР: Зачем?

НИКОЛАЙ: Два раза означает «да», так ведь, кажется?

ПЕТР: Да.

НИКОЛАЙ: Опять не стучишь. Как мне понять, что ты говоришь «да»?

ПЕТР: Зачем? Я просто говорю «да», ты меня, кажется, прекрасно слышишь.

НИКОЛАЙ: То есть мы теперь без стука будем?

ПЕТР: Да.

НИКОЛАЙ: Может, это мне стучать?

ПЕТР: Зачем?

НИКОЛАЙ: Ну, если мне надо будет сказать «да» или «нет». Только надо условиться, сколько стуков что будет означать.

ПЕТР: Я тебя тоже прекрасно понимаю.

НИКОЛАЙ: Правда?

(Петр стучит два раза по столу.)

ПЕТР: Так понятнее?

НИКОЛАЙ: А если пиццу принесут?

ПЕТР: Принесли ведь уже?

НИКОЛАЙ: Это соседям. Но я заказал и нам заодно.

ПЕТР: Если принесут, откроешь.

НИКОЛАЙ: А где Петр?

ПЕТР: Зависит от того, в каком смысле спрашиваешь. Вот он, стоит перед тобой.

НИКОЛАЙ: Ну я в другом смысле, конечно. Вот вы говорите со мной, производите какие-то смыслы.

ПЕТР: Не какие-то, а вполне определенные смыслы. Я фабрика по производству вполне определенных смыслов.

НИКОЛАЙ: Ладно. Вы производите вполне определенные смыслы, которые озвучиваете устами Петра. Где в это время находится сознание Петра, его...

ПЕТР: Душа?

НИКОЛАЙ: Ну примерно. Я не силен в теологии, насколько душа тождественна сознанию...

ПЕТР: Да ты ни в чем не силен, debil. И его душа, и его сознание спят еще более глубоким сном, чем обычно. Для него сейчас нет времени в твоём понимании. Или, скорей, оно остановилось. Так что когда я с отвращением покину это тело, он очнется в полной уверенности, что ты только что спросил меня: «А почему не будешь открывать?»

НИКОЛАЙ: Что открывать?

ПЕТР: Великую тайну и ужасающую глубину смерти и вечности.

НИКОЛАЙ: А почему не будете, правда?

ПЕТР: Потому что ты debil.

НИКОЛАЙ: И как это нет времени, когда оно есть?

ПЕТР: Долго объяснять.

НИКОЛАЙ: Может, вы все-таки ошиблись?

ПЕТР: В смысле?

НИКОЛАЙ: Ну, что у него нет времени. А на самом деле у него есть время?

ПЕТР: Как ты себе представляешь ответ на свой вопрос? Даже если я вдруг ошибаюсь, некий Антон Николаевич Козлов, дата и место рождения девятого мая тысяча девятьсот восемьдесят пятого года, город Киров, четвертый роддом, – этот debil Козлов меня спрашивает, не ошибаюсь ли я, и я такой: «О, точно, я ошибаюсь»?

НИКОЛАЙ: Я не debil.

(Пауза.)

НИКОЛАЙ: Все понятно, кроме одного. Как вы докажете, что вы это дух, а не Петр?

ПЕТР: Ну задай мне вопрос, ответа на который он точно не знает.

НИКОЛАЙ: Он все знает. Он ходячая энциклопедия.

ПЕТР: Такого не бывает.

НИКОЛАЙ: Ну хорошо. Какая высота Фудзиямы?

ПЕТР: Чего?

НИКОЛАЙ: Фудзиямы.

ПЕТР: Сейчас... Три тысячи семьсот семьдесят шесть метров.

НИКОЛАЙ: Правильно. А глубина Марианской впадины?

ПЕТР: Десять тысяч девятьсот девяносто четыре метра.

НИКОЛАЙ: Правильно. Только плюс-минус сорок метров.

ПЕТР: Ты не понимаешь. Я ТОЧНО знаю.

НИКОЛАЙ: Хорошо. Длина Камы от истока до устья?

ПЕТР: Тысяча восемьсот пять километров, до постройки Куйбышевского водохранилища была две тысячи тридцать километров. Принимает семьдесят четыре тысячи семьсот восемнадцать притоков, площадь водосборного бассейна – более пятисот тысяч квадратных километра, уклон реки по состоянию на тысяча девятьсот пятьдесят второй год – ноль одиннадцать метров на километр.

НИКОЛАЙ: Тут было много не необходимой информации.

ПЕТР: Какой?

НИКОЛАЙ: Ну, я спрашивал только о длине, а не о количестве притоков и так далее.

ПЕТР: Зато ты теперь все знаешь о количестве притоков Камы.

НИКОЛАЙ: Ну ладно. Теперь я точно вижу, что ты Петр.

ПЕТР: Почему?

НИКОЛАЙ: Потому что только он все это знает. И потому что он всегда выдает много не необходимой информации.

ПЕТР: Ты debil, что ли? Элементарная же логическая ошибка. Спроси то, чего он не знает.

НИКОЛАЙ: То есть ты, Петр, не знаешь?

ПЕТР: Я-то как раз много чего знаю, чего твой Петр не знает.

НИКОЛАЙ: Не могу придумать.

ПЕТР: Конечно. Для того, чтоб о чем-то спросить, ты должен для начала иметь об этом представление, а ты не имеешь ни о чем представления, потому что ты тупой.

НИКОЛАЙ: Я...

ПЕТР: Ты не можешь себе даже представить, что происходит во вселенной, в иных измерениях, с иными, не виданными тобой сущностями, ты живешь в своем убогом мире, в своем коконе, с детства заучил несколько истин и в них веруешь, не можешь помыслить никуда в сторону. Ты закоснел в своем невежестве... Ты знаешь, что значит закоснел в невежестве? Это значит, что твои нейронные связи настолько постоянны, что от них в мозгу в буквальном смысле образовались извилины, по которым и бежит электричество. Ты спишь! Нет, ты не существуешь!

НИКОЛАЙ: Петя...

ПЕТР: Ты идиот! Сколько раз тебе говорить, что я не Петя! Поставь новую мелодию хотя бы на телефоне. Переставь книги корешками вверх. Вставай в другое время, ложись в другое время, пробуй другую еду. Ты протоптал в снегу тропку и ходишь по ней, а на звезды взглянуть не смеешь, метафору, впрочем, все равно не поймешь.

НИКОЛАЙ: Так ты не Петр, что ли? *(подходит к книжному шкафу и начинает переставлять книги вверх корешками. Петр в азитации ходит по комнате).*

ПЕТР: И этому debilу я хотел открыть великую тайну и ужасающую глубину смерти и вечности? Он думает, что он уникален. Да, конечно, он уникален! В своем идиотизме. Да я сам, похоже, debilом стал, раз согласился *(оглядывает свою рубашку и штаны)*. И во что я одет?

НИКОЛАЙ: А во что вы одеты?

ПЕТР: Разве можно вот это красное с этим зеленым? Вот эти вот клеточки? Вот скажи мне, debil, я похож на клубнику?

НИКОЛАЙ: Хватит меня называть debilом. И не надо мне проповеди читать.

ПЕТР: Похож, тварь?

НИКОЛАЙ: Не кричите на меня. Я не глухой.

ПЕТР: Похож? Или на помидор! Я не Петя!

НИКОЛАЙ: Нет.

ПЕТР: А почему тогда я в этом красном и зеленом? Нет, вы как хотите, но я вас просвещать не нанимался. Да чтоб я сдох, если буду вам помогать, адью!

НИКОЛАЙ: Мне неприятно, что вы так говорите. Не надо волноваться. Вы и так сдохли.

(Три стука.)

ПЕТР: Он говорит «нет».

НИКОЛАЙ: Кто говорит «нет»?

ПЕТР: Я могу сам ходить, ура! Он больше не стучит моей рукой!

(Три стука.)

ПЕТР: Во, видишь! А чего это ты книги переставляешь? Давай помогу!
(Радостный от вновь обретенной свободы с энтузиазмом переставляет книги.)

НИКОЛАЙ: Петр, ты похож на клубнику в этом своем красном и зеленом.

(Три стука.)

ПЕТР *(в прекрасном настроении)*: Это не необходимое утверждение. И, как видишь, дух с тобой не согласен.

НИКОЛАЙ: Это не дух, это пиццу принесли. Открывай давай, debil.

Действие II

(Петр возвращается, за ним социальный работник, одетый в одежду с символикой переписи населения – шарфик, бейсболка, значок)

ПЕТР: Это не пицца.

НИКОЛАЙ: А что это?

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК *(с энтузиазмом)*: Перепись населения! Спасибо, что согласились ответить на наши вопросы.

НИКОЛАЙ *(обескураженно)*: Ничего, ничего.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Это очень полезное дело для России и для всего мира.

НИКОЛАЙ: Конечно, конечно.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Это важнейшее мероприятие общенационального значения, итоги которого повлияют на будущее нашей страны, каждого из ее жителей.

НИКОЛАЙ: Понятно.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Ну, давайте начнем.

НИКОЛАЙ: Что, уже начнем?

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: А чего тянуть?

НИКОЛАЙ: Это неожиданно, я не готов.

ПЕТР: Надо было быть готовым.

НИКОЛАЙ: Почему?

ПЕТР: Все об этом знают. Долг каждого гражданина поучаствовать в переписи.

НИКОЛАЙ: А ты участвовал?

ПЕТР: Конечно.

НИКОЛАЙ: Ладно, давайте.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Приступим. Имя, фамилия?

НИКОЛАЙ: Разве участие не анонимное?

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Анонимное.

НИКОЛАЙ: Тогда следующий вопрос.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Но лучше отвечать. Мы не будем спрашивать вас о вашем доходе и так далее.

НИКОЛАЙ: Хорошо. Георгий Хвостовой.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Национальность?

НИКОЛАЙ: Русский.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Год и место рождения?

НИКОЛАЙ: Тысяча девятьсот двадцать восьмой, город Вятка.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: В смысле Киров?

НИКОЛАЙ: Он тогда еще Вяткой назывался.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Вероисповедание?

НИКОЛАЙ: Это не необходимая информация.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Населенье Суринама?

НИКОЛАЙ: Не знаю. Миллионов шесть?

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: На самом деле, как ни удивительно, раз в десять меньше.

ПЕТР: Пятьсот семьдесят пять тысяч девятьсот девяносто.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Количество притоков Камы?

НИКОЛАЙ: Сто.

ПЕТР: Семьдесят четыре тысячи семьсот восемнадцать.

НИКОЛАЙ: А, точно.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Сколько рук у бога Рамы?

НИКОЛАЙ: Вот теперь точно сто.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Где находится Панама?

НИКОЛАЙ: В Латинской Америке. Но я не понимаю, какое это имеет отношение.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Сколько весит далай-лама?

НИКОЛАЙ: Не знаю.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Почему вы так упрямы?

НИКОЛАЙ: Это вы в рамках переписи спрашиваете или так, отвлеченно?

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: В смысле?

НИКОЛАЙ: Это вопрос из переписи населения или вы сами думаете, что я упрям, и интересуетесь, почему?

ПЕТР: Зачем ты вообще отвечаешь на дебильные вопросы?

НИКОЛАЙ: Чтобы вырастить новые нейронные связи.

ПЕТР: Кстати, ты не спросил у него удостоверения.

НИКОЛАЙ: Зачем?

ПЕТР: Может, это фальшивый социальный работник.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Я настоящий!

НИКОЛАЙ: Он настоящий.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Я настоящий!

НИКОЛАЙ: Он настоящий.

ПЕТР: Все-таки, покажите ваше удостоверение.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Пусть он попросит. Вас я слушаться не буду.

ПЕТР: Почему?

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Я же не с вами провожу перепись населения.

НИКОЛАЙ: Ну ладно, покажите.

(Социальный работник показывает свое удостоверение.)

НИКОЛАЙ: И паспорт.

(Социальный работник показывает свой паспорт.)

НИКОЛАЙ: Подождите.

(Выходит из комнаты и тут же возвращается с пистолетом. Наставляет пистолет на социального работника.)

НИКОЛАЙ: Руки вверх!

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Что случилось?

НИКОЛАЙ: Руки вверх, я сказал!

(Социальный работник поднимает руки вверх.)

ПЕТР: Что случилось?

НИКОЛАЙ: Посмотри на его удостоверение.

ПЕТР: Покажите удостоверение.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Не могу.

ПЕТР: Почему?

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Руки заняты.

НИКОЛАЙ: Ну подойди и возьми сам.

ПЕТР: Я не хочу его касаться.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Он не хочет меня касаться.

НИКОЛАЙ: Тогда поддержи пистолет, я сам.

ПЕТР: Я не хочу касаться пистолета.

НИКОЛАЙ: Почему?

ПЕТР: Я пацифист.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: А вы указали этот факт, когда проходили перепись?

ПЕТР: Нет.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Это очень плохо.

НИКОЛАЙ: Ладно. Тогда принеси веревку.

ПЕТР: Какую веревку?

НИКОЛАЙ: Ну ту самую, для шибари. Лежит в шкафу.

ПЕТР: Зачем?

НИКОЛАЙ: Привяжем его. Привязывать тебе твой пацифизм позволяет?

ПЕТР: Привязывать позволяет. Ты же знаешь.

НИКОЛАЙ: Ну и неси.

(Петр роется в шкафу.)

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Что случилось?

НИКОЛАЙ: Ты сам знаешь, что случилось.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Не знаю.

НИКОЛАЙ: Знаешь, знаешь. Значит, ты у нас получаешься Козлов Антон Николаевич, так? Дата и место рождения девятого мая тысяча девятьсот восемьдесят пятого года, город Киров?

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Да.

НИКОЛАЙ: А может быть, ты дух?

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК *(в ужасе)*: Нет! Я не дух! Я просто зашел провести перепись населения!

(Во время этого разговора Петр находит в шкафу веревку для шибари и приносит ее. Услышав имя социального работника, он понимает, что имеет в виду Николай, и начинает привязывать его к стулу.)

НИКОЛАЙ: Крепче, крепче привязывай! Теперь понимаешь, что написано у него в паспорте?

ПЕТР: Конечно, теперь понимаю.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Я буду кричать!

НИКОЛАЙ: Спасибо, что предупредил.

(Вставляет ему в рот кляп.)

ПЕТР: Ты чувствуешь, как похолодало?

НИКОЛАЙ: Правила такие. Мы тебя связали, но это для твоей же пользы. Чтоб ты не взбесился и нас не убил. Будем задавать тебе вопросы. Если ответ «да» – стучишь два раза, если «нет» – три раза, если «не знаю» – один раз. Понятно тебе?

(Социальный работник кивает.)

НИКОЛАЙ: Я сказал стучать, а не кивать!

(Социальный работник пучит глаза.)

ПЕТР: Он не может стучать.

НИКОЛАЙ: Почему?

ПЕТР: Потому что у него руки связаны.

(Социальный работник кивает.)

НИКОЛАЙ: Ладно, одну руку освободим. Но немножко! Только чтобы стучать. Понятно?

(Социальный работник кивает.)

НИКОЛАЙ: Я кому сказал стучать!

(Социальный работник стучит три раза.)

ПЕТР: Он постучал три раза.

НИКОЛАЙ: То есть он отвечает «нет»?

ПЕТР: Да.

НИКОЛАЙ: На какой вопрос?

ПЕТР: Понятно ли ему?

НИКОЛАЙ: Ему что, непонятно?

ПЕТР: Не знаю. У него спроси.

НИКОЛАЙ: Тебе понятно или непонятно?

(Социальный работник стучит несколько раз. Николай вытаскивает у него из рта кляп.)

НИКОЛАЙ: Ну и тупой же ты! Два раза «да», три раза «нет», один раз «не знаю».

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Я забыл.

НИКОЛАЙ: Что ты забыл?

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Сколько раз «да», а сколько раз «нет».

НИКОЛАЙ: Два раза «да», три раза «нет», один раз «не знаю».

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: А если будет задан вопрос, не предполагающий ответа «да», «нет» или «не знаю»?

НИКОЛАЙ: Например?

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Ну, например, «населенье Фудзиямы».

НИКОЛАЙ: Тогда стучи четыре раза, и если мы решим, что ты прав, мы вытащим кляп, скажешь, что нужно. Понятно?

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Да.

(Бьет его по лицу.)

НИКОЛАЙ: Стучать надо. Два раза!

(Социальный работник стучит два раза. Николай собирается вставить ему кляп, и тот стучит четыре раза.)

НИКОЛАЙ: Ну что еще? Я ведь тебя ни о чем не спрашивал.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: А если вы меня спросите, например, сколько ног у волка? Или сколько времен года у Вивальди? Или сколько четвертей в единице?

НИКОЛАЙ: И что?

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Я могу постучать четыре раза, и тогда вы подумаете, что я не знаю ответа. А я буду иметь в виду ответ «четыре», и это будет правильный ответ.

НИКОЛАЙ: И что?

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Ну и как вы тогда поймете, я отвечаю «четыре» или я отвечаю, что я не знаю?

ПЕТР: Опять чертова омонимия!

НИКОЛАЙ: Проклятая омонимия!

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Воот.

НИКОЛАЙ *(снова засовывая ему кляп)*: Ничего. Разберемся. Теперь, значит, вопросы. Значит, ты у нас социальный работник, проводишь перепись населения, так?

(Социальный работник стучит два раза.)

НИКОЛАЙ: И тебе нужно было опросить меня, как меня зовут, и все такое, так?

(Социальный работник стучит два раза.)

НИКОЛАЙ: И кто же тебя послал?

(Социальный работник стучит четыре раза. Николай вынимает у него кляп.)

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Меня начальство послало!

НИКОЛАЙ: Да уж понятно, что начальство. И именно ко мне. Понятненько...
(Снова вставляет ему кляп.)

НИКОЛАЙ: Хорошо. А сам ты перепись населения пройти успел?

(Социальный работник делает сожалеющее лицо и стучит три раза.)

НИКОЛАЙ: Ну вот мы сейчас с тобой ее и проведем. Имя, фамилия?

ПЕТР: Разве участие не анонимное?

НИКОЛАЙ: Анонимное.

ПЕТР: Впрочем, мы и так знаем.

НИКОЛАЙ: Ну да.

ПЕТР: Антон Козлов.

(Социальный работник стучит два раза.)

НИКОЛАЙ: Точно. Национальность?

ПЕТР: Русский, наверно.

(Социальный работник стучит два раза.)

НИКОЛАЙ: Год рождения?

ПЕТР: Да мы знаем. Девятого мая тысяча девятьсот восемьдесят пятого.
Правильно?

(Социальный работник стучит два раза.)

НИКОЛАЙ: Вероисповедание?

(Социальный работник стучит один раз.)

НИКОЛАЙ: Населенье Фудзиямы?

(Социальный работник стучит один раз.)

НИКОЛАЙ: Количество притоков Камы?

(Социальный работник стучит один раз.)

ПЕТР: Семьдесят четыре тысячи семьсот восемнадцать.

(Социальный работник стучит два раза.)

НИКОЛАЙ: Сколько рук у бога Рамы?

(Социальный работник стучит один раз.)

НИКОЛАЙ: Где находится Панама?

(Социальный работник стучит один раз.)

НИКОЛАЙ: Сколько весит далай-лама?

(Социальный работник стучит один раз.)

НИКОЛАЙ: Чего там еще было?

ПЕТР: Почему вы так упрямы?

НИКОЛАЙ: Почему вы так упрямы?

(Социальный работник стучит один раз.)

ПЕТР: Вроде все.

НИКОЛАЙ: Давай повторим, неплохо вышло.

(Дальше происходит следующее: ритмически Николай произносит фразы «Населенье Фудзиямы», «Количество притоков Камы», «Сколько рук у бога Рамы», «Где находится Панама», «Сколько весит далай-лама», «Почему вы так упрямы», а социальный работник как можно громче стучит после каждой из них. Петр при этом, возможно, произвольно подтанцовывает.)

НИКОЛАЙ: Ладно. Хочешь, чтоб мы убрали кляп? И вообще тебя освободили?

(Социальный работник стучит два раза.)

НИКОЛАЙ: Точно?

(Социальный работник стучит два раза.)

НИКОЛАЙ: Мы зададим тебе один вопрос, и ты на него ответишь.

(Социальный работник стучит два раза.)

НИКОЛАЙ: И после этого мы тебя отпускаем, ты уходишь и не причиняешь нам никакого вреда.

(Социальный работник стучит два раза.)

НИКОЛАЙ: Никогда.

(Социальный работник стучит два раза.)

НИКОЛАЙ: Клянешься?

(Социальный работник стучит два раза.)

НИКОЛАЙ: Клянешься?

(Социальный работник стучит два раза.)

НИКОЛАЙ: Клянешься в третий раз Вельзевулом и всеми его дьяволами ада?

(Социальный работник стучит два раза. Николай вынимает у него кляп изо рта.)

НИКОЛАЙ: Смотри, ты поклялся Вельзевулом и всеми его дьяволами ада!

(Социальный работник стучит два раза.)

НИКОЛАЙ: Ты зачем стучишь? Мы же тебе рот освободили.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Так, на всякий случай.

НИКОЛАЙ: Итак, наш вопрос такой.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Вы же уже спросили.

НИКОЛАЙ: Что я спросил?

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Вы меня спросили «Ты зачем стучишь?»

НИКОЛАЙ: Это был риторический вопрос. Будешь умничать, снова получишь кляп.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Ясно. Я весь ухо.

НИКОЛАЙ: В смысле – ты весь ухо?

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: это значит, я весь внимание.

НИКОЛАЙ: Итак, наш вопрос следующий: какова же великая тайна и ужасающая глубина смерти и вечности?

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Че?

НИКОЛАЙ: Какова великая тайна и ужасающая глубина смерти и вечности?

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Не знаю.

НИКОЛАЙ: И это все?

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Что все?

НИКОЛАЙ: Ответ на наш вопрос – «не знаю»?

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Не знаю.

НИКОЛАЙ: «Не знаю» – это ответ на наш вопрос, или ты просто не знаешь?

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Смотря на какой вопрос.

НИКОЛАЙ: На вопрос «Ответ на наш вопрос – “не знаю”?»

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Не знаю. В смысле, просто не знаю, не ответ на вопрос.

НИКОЛАЙ: И, значит, ты не можешь нам сообщить великую тайну и ужасающую глубину смерти и вечности?

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Да.

НИКОЛАЙ: «Да» это можешь или не можешь?

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Не могу.

НИКОЛАЙ: Ну так это можно было ответить и без кляпа. Стукнуть один раз и все. Один раз означает «не знаю», ты же помнишь?

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Да.

НИКОЛАЙ: Зачем же мы вынимали у тебя кляп?

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Чтоб я ответил на ваш вопрос.

НИКОЛАЙ: Но ты не ответил.

ПЕТР: Может, это вообще не дух?

НИКОЛАЙ: Как это не дух? А кто же тогда дух?

ПЕТР: А я знаю, кто дух!

НИКОЛАЙ: Кто?

ПЕТР: Георгий Хвостовой, тысяча девятьсот двадцать восьмого года рождения, город Вятка.

НИКОЛАЙ: О, дядя Жора, точно!

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: А разве это не вы Георгий Хвостовой, тысяча девятьсот двадцать восьмого года рождения, город Вятка?

(Николай ставит социальному работнику кляп.)

ПЕТР: Что за дядя Жора?

НИКОЛАЙ: Сосед наш.

(Раздается три стука.)

НИКОЛАЙ: А вот и он. Пойду открою. Ты гений!

(Берет пистолет и идет открывать дверь. Возвращается очень скоро с огромной пиццей в руках.)

НИКОЛАЙ: Не, это пиццу принесли.

ПЕТР: Странно, что не дядя Жора.

НИКОЛАЙ: Подождем еще немного.

ПЕТР: С этим что делать будем?

НИКОЛАЙ: Не отпускать же его. Пусть сидит. Хочешь пиццу?

(Социальный работник стучит два раза. Николай вынимает у него кляп.)

НИКОЛАЙ: Ну смотри, будешь болтать, снова кляп получишь. Понял?

(Социальный работник стучит два раза. Николай дает ему пиццу, тот держит ее свободной рукой и начинает есть. Николай с Петром тоже едят.)

ПЕТР: Ну где же он?

НИКОЛАЙ: Сейчас доедим, и если не появится, сам к нему схожу.

(Доедают пиццу.)

НИКОЛАЙ: Ладно. Пошел я.

(Николай берет пистолет и уходит. Однако вскоре возвращается.)

НИКОЛАЙ: Я тут подумал. Знаешь что?

ПЕТР: Что?

НИКОЛАЙ: Я тут подумал... И спросил себя...

ПЕТР: Что ты подумал и спросил себя?

НИКОЛАЙ: Руки вверх!

(Петр поднимает руки вверх.)

НИКОЛАЙ: Я спросил себя: а что, если Петр – это не Петр? Что, если Петр – это дух?

(Пауза.)

НИКОЛАЙ: А? Что скажешь?

ПЕТР: В смысле, я – дух?

НИКОЛАЙ: Ну да.

ПЕТР: Я не дух.

НИКОЛАЙ: Докажи.

ПЕТР: Дай мне подумать.

НИКОЛАЙ: Думай.

ПЕТР: А почему я должен быть духом?

НИКОЛАЙ: Ну в тебя вселялся дух.

ПЕТР: Не помню.

НИКОЛАЙ: Да, он так и говорил.

ПЕТР: Кто он?

НИКОЛАЙ: Дух. В смысле, ты.

ПЕТР: То есть я был духом?

НИКОЛАЙ: Да.

ПЕТР: А почему я этого не помню?

НИКОЛАЙ: Потому, что для тебя не существовало времени.

ПЕТР: Это тоже я тебе сказал?

НИКОЛАЙ: Ну, да.

ПЕТР: А почему он в меня вселился, он не сказал?

НИКОЛАЙ: Ну, ясно почему вселился!

ПЕТР: Почему?

НИКОЛАЙ: Потому что он узнал твое имя!

ПЕТР: А в тебя он не вселился, соответственно...

НИКОЛАЙ: Потому что он не знал моего имени!

ПЕТР: Тогда я придумал!

НИКОЛАЙ: Что ты придумал?

ПЕТР: Почему я не дух.

НИКОЛАЙ: Ну и почему ты не дух?

ПЕТР: Потому что я-то твое имя знаю!

НИКОЛАЙ: И чего?

ПЕТР: Если бы я был дух, я бы давно в тебя вселился.

НИКОЛАЙ: Да, точно.

ПЕТР: Теперь можно опустить руки?

НИКОЛАЙ: Да. Хотя нет! Скажи, как меня зовут?

ПЕТР: Да ты и сам знаешь.

НИКОЛАЙ: Я-то знаю, но вдруг ты не знаешь.

ПЕТР: Я-то знаю... Но ты уверен, что хочешь, чтобы я при нем говорил?
(показывает на социального работника, который с большим интересом их слушает).

НИКОЛАЙ: Да, ты прав. Пойдем. Выйдем, там скажешь.

(Выходят и через десять секунд возвращаются.)

ПЕТР: Теперь можно опустить?

(Николай задумчиво кивает, Петр опускает руки.)

НИКОЛАЙ: Ладно. Я пойду-таки, схожу, приведу настоящего духа.

(Николай уходит.)

ПЕТР: Мне надо все это осмыслить.

(Николай возвращается.)

НИКОЛАЙ: Я тут снова подумал. Знаешь что?

ПЕТР: Ну что?

НИКОЛАЙ: Я тут снова подумал... И спросил себя...

ПЕТР: Что ты подумал и спросил себя?

НИКОЛАЙ: Я спросил себя, почему дух не возвращается в тебя? Ведь он же знает
твое имя.

ПЕТР: А зачем бы ему в меня возвращаться?

НИКОЛАЙ: Ну как зачем. Я же тебе доверяю. Ведь ты же мне друг?

ПЕТР: Друг.

НИКОЛАЙ: Ну и он, будучи тобой, может этим воспользоваться и, например,
выведавать что-нибудь у меня.

ПЕТР: Что выведать?

НИКОЛАЙ: Ну, например, как меня зовут.

ПЕТР: Да ведь я и так знаю, как тебя зовут.

НИКОЛАЙ: А, ну да. Ладно, я пошел.

ПЕТР: Иди.

(Уходит и снова возвращается.)

НИКОЛАЙ: Я тут снова подумал...

ПЕТР: Да-да, что ты подумал и спросил себя?

НИКОЛАЙ: Он все равно бы мог в тебя переселиться, мало ли.

ПЕТР: Может, ему что-то мешает?

НИКОЛАЙ: Может. Я тут подумал вот что: а ты свое имя не менял?

ПЕТР: В смысле?

НИКОЛАЙ: Ну, в смысле – после того, как он из тебя выселился, ты не менял имени? Тогда бы он не мог в тебя обратно войти.

ПЕТР: Не менял.

НИКОЛАЙ: То есть ты все еще Петр?

ПЕТР: Да.

НИКОЛАЙ *(обращаясь к социальному работнику)*: Может, ты знаешь?

(Социальный работник стучит три раза, изображая на лице полнейшее непонимание.)

ПЕТР: Слушай, теперь я подумал...

НИКОЛАЙ: Ну, что ты подумал?

ПЕТР: Может, он как вирус?

НИКОЛАЙ: В смысле?

ПЕТР: В смысле, у меня теперь к нему иммунитет, как он из меня вышел.

НИКОЛАЙ: Интересная мысль.

ПЕТР: И если он в тебя вселится, а потом выйдет, у тебя тоже иммунитет будет.

НИКОЛАЙ: Ты на что намекаешь?

ПЕТР: Может, ты зря так этого боишься?

НИКОЛАЙ: Может, и зря. Но тут ключевой момент, если дух из меня выйдет. А если не выйдет? Что если не выйдет?

ПЕТР: Тоже верно.

(Пауза.)

НИКОЛАЙ: Ладно, пошел я.

ПЕТР: Удачи.

НИКОЛАЙ: Спасибо.

ПЕТР: Пистолет не забудь.

(Николай уходит.)

ПЕТР *(социальному работнику)*: Ты правда не знаешь великую тайну и ужасающую глубину смерти и вечности?

Действие III

(Петр и социальный работник сидят в тех же позах, что в конце предыдущего действия. Перерыв между действиями – просто словно затемнение. Более того, Петр задает тот же вопрос, что в конце второго действия, ровно с той же интонацией.)

ПЕТР: Ты правда не знаешь великую тайну и ужасающую глубину смерти и вечности?

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Эй! Я что, связан?

ПЕТР: Тихо, тихо.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Почему я связан? Кто меня связал?

ПЕТР: Тихо, тихо.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК *(начинает кричать)*: Отпустите меня!

ПЕТР: Успокойся.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК *(вопит)*: Отпустите меня немедленно!

(Петр ставит социальному работнику кляп. Тот колотит свободной рукой по столу. Возвращается Николай, но не один: с ним дядя Жора на каталке, которую везет Клим.)

НИКОЛАЙ: Знакомьтесь! Это дядя Жора, это Петр, это Клим, мой батя, друг дяди Жоры.

КЛИМ: Ой, а что это...

НИКОЛАЙ: Во-первых, хотел бы поблагодарить дядю Жору и Клима за то, что одолжили несколько метров хорошей, прочной веревки, которая у нас самих, как видите, на исходе.

КЛИМ: А чего это он, связан, что ли?

(Дядя Жора громко смеется.)

НИКОЛАЙ *(достает пистолет)*: Попрошу тишины!

(При виде пистолета Клим поднимает руки, социальный работник перестает колотить по столу.)

НИКОЛАЙ: Давайте, дядя Жора, мы вас пристегнем как следует. Меры предосторожности, сами понимаете. Тебя, батя, тоже свяжем, не бойсь, потом развяжем.

ПЕТР *(с интонациями ослика Иа-Иа)*: Свяжем и развяжем. Свяжем и развяжем.

ДЯДЯ ЖОРА *(добродушно)*: Да зачем меня пристегивать, сам ведь знаешь, что у меня ноги.

НИКОЛАЙ: Знать-то знаю, но всякие чудеса случаются, не хуже меня понимаете, и потом, береженого бог бережет.

ДЯДЯ ЖОРА: Да, это верно, береженого бог бережет.

(Николай пристегивает дядю Жору ремнями, вместе с Петром они связывают Клима.)

ПЕТР: Свяжем и развяжем. Свяжем и развяжем.

НИКОЛАЙ: Водочки будете, батя, дядя Жора? И пицца еще осталась.

ДЯДЯ ЖОРА: Спасибо, не откажусь.

НИКОЛАЙ: Извините, что пришлось связать. *(Обращаясь к социальному работнику)*: А ты водки будешь?

ПЕТР: Он не может, у него кляп.

НИКОЛАЙ: А мы уберем, если орать не будет. Ты ведь не будешь орать?

(Социальный работник усиленно кивает. Николай снимает с него кляп. Наливает водку всем присутствующим.)

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: А вы участвовали в переписи населения?

ДЯДЯ ЖОРА: Ась?

НИКОЛАЙ *(кричит дяде Жоре в ухо)*: Участвовали в переписи населения, дядя Жора?

ДЯДЯ ЖОРА: Я-то? Да нет, стар я для таких штук!

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Это плохо. Участие в переписи – долг каждого сознательного человека. А вы?

(Пауза.)

НИКОЛАЙ: Батя, тебя спрашивают.

КЛИМ: А? Что?

НИКОЛАЙ: Участвовал, спрашивают, в переписи населения?

КЛИМ: Я? А, да.

НИКОЛАЙ: Так у нас здесь, оказывается, только один не участвовавший!

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Кто?

НИКОЛАЙ: Дядя Жора.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Стыдно признаться, но тоже еще не участвовал.

НИКОЛАЙ: Участвовал.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Не участвовал.

НИКОЛАЙ: Участвовал.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Нет, не участвовал.

НИКОЛАЙ: Кляп, что ли, снова захотел? Не помнишь просто. Когда ты участвовал, времени для тебя не существовало.

(Социальный работник испуганно замолкает.)

НИКОЛАЙ: Ну, ваше здоровье, дядя Жора. Твое здоровье, батя.

ДЯДЯ ЖОРА: Наше почтение.

(Чокаются, выпивают. Для того чтоб Клим мог пить, Петр подставляет рюмку к его губам. Николай снова разливает.)

ПЕТР: Вы в натуре батя Николая?

КЛИМ: Отчим.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: В переписи отражено?

КЛИМ: Отражено.

НИКОЛАЙ: Но люблю его как родного.

КЛИМ: И я тебя люблю, сынок.

НИКОЛАЙ: А дядя Жора у нас человек героический. Воевал еще на японском фронте.

ДЯДЯ ЖОРА: В тринадцать лет!

НИКОЛАЙ: Подарил мне ложку, оловянную, сам на фронте, на войне отлил!

ПЕТР: Че, правда, что ли?

ДЯДЯ ЖОРА: Во как!

ПЕТР: Вам не холодно? Никому не холодно?

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: А вы в переписи указали, что воевали с японцами?

ПЕТР: Он не участвовал в переписи, он же сказал.

НИКОЛАЙ: Давайте еще по одной. За перепись!

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: За перепись!

ПЕТР: За перепись!

ДЯДЯ ЖОРА: За перепись!

НИКОЛАЙ: Дядя Жора, а давайте мы с вами сейчас перепись проведем?

ДЯДЯ ЖОРА: Да у меня ж ноги, ты же знаешь...

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Да ничего! Давайте!

НИКОЛАЙ: Исполните долг сознательного гражданина.

ДЯДЯ ЖОРА: Ну, если не надо будет танцевать, то...

ВСЕ (*вразнобой*): Давайте, дядя Жора!

ДЯДЯ ЖОРА: Я согласен.

НИКОЛАЙ: Дядя Жора знаете, каким раньше плясуном был! Закачаешься!

ПЕТР: Кто будет проводить?

НИКОЛАЙ: Давайте я.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Может, лучше я? Я все-таки профессионал.

НИКОЛАЙ: Подозреваю, вас он слушать не будет.

ДЯДЯ ЖОРА: Да я вообще его в первый раз вижу! А чего его связали?

НИКОЛАЙ: Для безопасности, дядя Жора, для безопасности. И вас мы для безопасности, и бату. Всех для безопасности. Береженого бог бережет, сами же знаете.

ДЯДЯ ЖОРА: Конечно.

НИКОЛАЙ: Итак! Имя, фамилия?

ДЯДЯ ЖОРА: Георгий Хвостовой.

КЛИМ: Павел Хвостовой.

НИКОЛАЙ: Как это? Почему Павел? Разве не Георгий?

КЛИМ: Да вот так! Все зовут Жорой, а по паспорту Павел.

(Дядя Жора стучит два раза по своей каталке.)

НИКОЛАЙ: Национальность?

ДЯДЯ ЖОРА: Русский.

НИКОЛАЙ: Год рождения?

ДЯДЯ ЖОРА: Тысяча девятьсот двадцать восьмой.

КЛИМ: Теперь-то уж можно правду сказать.

НИКОЛАЙ: Какую правду?

КЛИМ: Девятьсот тридцатого он.

НИКОЛАЙ: Как это девятьсот тридцатого? В паспорте же двадцать восьмой стоит?

КЛИМ: Так то в паспорте. Он специально себе два года приписал, чтоб на фронт взяли.

(Дядя Жора стучит два раза по своей каталке.)

НИКОЛАЙ: Ну вы даете, дядя Жора. Вероисповедание?

ДЯДЯ ЖОРА: Синтоист.

НИКОЛАЙ: Населенье Фудзиямы?

ДЯДЯ ЖОРА: Хороший вопрос. Многие думают, что на Фудзияме нет постоянного населения, только работники ресторанов и спасатели. На самом деле есть. Там живут гномики. Об этом мне рассказывал пленный японец. Сто восемь гномиков, и когда умирает один, на его место приходит другой, с других гор, чтобы священное число сохранялось.

(Перед каждым следующим вопросом выпивают.)

НИКОЛАЙ: Количество притоков Камы?

ДЯДЯ ЖОРА: Вот эти скалы пусть изгибаются дугой от той реки, что льется в молчаньи вдоль ущелья, затопляя зыбкую душу. Пусть длится этот день без края, подрубая древо лета, над полями, берущими реку прибоем буйным в час ненастья. Пусть небо пусто, пусть над миром нет ни солнца, ни звезд, ни луны... И я отдам без остатка подсознанию должное, свое притяжение к этой паре свалившихся в низину скал, свалившихся, как падают камни с отвесов на берег Камы...

НИКОЛАЙ: Сколько рук у бога Рамы?

ДЯДЯ ЖОРА: Хороший вопрос. Многие ошибочно думают, что у него сто рук. Нет, сто рук у бога Шивы, а у Рамы всего две руки. Рама просто прекрасен, он совершенный, как может быть у него количество рук иное, чем две?

НИКОЛАЙ: Вы же синтоист.

ДЯДЯ ЖОРА: Синтоист, но Рама все равно совершенен. Что я тут могу поделывать?

НИКОЛАЙ: Где находится Панама?

ДЯДЯ ЖОРА: Какая Панама?

НИКОЛАЙ: Такой вопрос.

ДЯДЯ ЖОРА: Бывает шапка панама, а бывает страна Панама.

НИКОЛАЙ: Ну вот такой вопрос. Отвечайте.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Он правильно ответил.

НИКОЛАЙ: Сколько весит далай-лама?

ДЯДЯ ЖОРА: Не золотая, не из серебра, но всего на семь граммов легче. Далай-ламе это все равно. Не из камня, не из дерева, но на тридцать тонн тяжелее. Далай-ламе это все равно. Летим к далай-ламе! Лететь еще долго. Мы не знаем, отчего он смеется там, за облаками. Того, кто сумеет удалить камень далай-ламы, летят почтить не единицы и даже не сотни. Он удостоил, от века из года идет в мир по тонкой нитке далай-лама. Мы не знаем, почему смеются там, за облаками.

НИКОЛАЙ: Почему вы так упрямы?

ДЯДЯ ЖОРА: Умру, а на этот вопрос не отвечу!

НИКОЛАЙ: Выпьем за перепись.

ДЯДЯ ЖОРА: Режьте меня, а на этот вопрос отвечать я не буду!

ПЕТР: Пили уже за нее.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: За перепись я могу пить сколько угодно раз!

ВСЕ: Выпьем!

НИКОЛАЙ: Какова великая тайна и ужасающая глубина смерти и вечности?

КЛИМ: Когда невмочь мне ни жить, ни видеть, бежать, любить, презирать, ненавидеть!

ДЯДЯ ЖОРА: Это ты спрашиваешь как переписчик или от себя лично?

НИКОЛАЙ: И так, и так.

ДЯДЯ ЖОРА: Скажи, как тебя зовут, и я открою тебе великую тайну и ужасающую глубину смерти и вечности.

НИКОЛАЙ: Не скажу.

КЛИМ: Его зовут Николай.

НИКОЛАЙ: Батя, молчи! Не говорю, значит, есть причины.

ДЯДЯ ЖОРА: Почему?

НИКОЛАЙ: Тогда ты мной овладеешь.

ДЯДЯ ЖОРА: В смысле?

НИКОЛАЙ: В смысле ты же знаешь, как меня зовут.

ДЯДЯ ЖОРА: Я забыл. Выпил и забыл.

НИКОЛАЙ: Ну что ж. Проспишься, вспомнишь. И еще про ложку знаешь что?

ДЯДЯ ЖОРА: Что?

НИКОЛАЙ: Никакой ты мне ложки не дарил.

ДЯДЯ ЖОРА: Дарил!

НИКОЛАЙ: Не дарил.

ДЯДЯ ЖОРА: Дарил!

НИКОЛАЙ: Не дарил.

КЛИМ: Я не знаю. Вроде не дарил.

НИКОЛАЙ: Или вон спросите у кого-нибудь из присутствующих, как меня зовут.

ПЕТР: Николай.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Георгий Хвостовой.

КЛИМ: Николай.

ДЯДЯ ЖОРА: Я их слышу как-то избирательно.

НИКОЛАЙ: Понятно! Потому что медиум-то я, а не они.

ДЯДЯ ЖОРА: Не понимаю, о чем ты говоришь. Я и слов таких не знаю.

НИКОЛАЙ: А давай еще по одной выпьем!

ДЯДЯ ЖОРА: А давай!

(Выпивают.)

НИКОЛАЙ: Ну так что? Скажешь?

ДЯДЯ ЖОРА: Что скажешь?

НИКОЛАЙ: Великую тайну и ужасающую глубину смерти и вечности.

КЛИМ: Может быть, она та же, как в прозрениях Шопенгауэра в час великой смерти? И возможно ли вселение в мертвые тела душ живых? Может быть, они так же, как мы, предстанут перед Богом? Что же им нужно? И чего они требуют? Но что бы ни требовали, вопрос остается вечен: что нам-то делать? И как мне быть? Мне хочется познать мир и научиться жить в нем, но кто же нам откроет глаза на окружающий мир? Как смертен человек? Кто же его в чудное царство введет? Что мне сказать и кому поведать?

ДЯДЯ ЖОРА: Не скажу.

НИКОЛАЙ: Почему?

ДЯДЯ ЖОРА: Потому что ты debil. Тебе сегодня сообщили эту тайну несколько раз на все лады и голоса, но ты так ничего и не понял.

НИКОЛАЙ: Может, тогда стуком сообщите?

ДЯДЯ ЖОРА: Я, может, умру скоро, и так и не узнаю, как тебя зовут...

НИКОЛАЙ: Кстати, насчет скорой смерти...

(Наставляет на дядю Жору пистолет.)

ДЯДЯ ЖОРА *(смеется ему в лицо)*: Ты правда решил с помощью пистолета разузнать великую тайну и ужасающую глубину смерти и вечности? Да ты еще глупее, чем я думал. Мне пофиг, убивай всех!

КЛИМ: Я, я знаю эту тайну! Не надо убивать! Я все расскажу!

ДЯДЯ ЖОРА: Бог узнает своих!

НИКОЛАЙ: Дядя Жора, ну пожалуйста! Ну что, договорились?

ДЯДЯ ЖОРА: Нет, не договорились. Вези меня обратно домой, Климушка!

ПЕТР: Он не может.

ДЯДЯ ЖОРА: Почему?

ПЕТР: Связан.

ДЯДЯ ЖОРА: Так развяжите!

КЛИМ: Да скажи ты им эту великую тайну и ужасающую глубину смерти и вечности.

НИКОЛАЙ *(отвечая дяде Жоре и не слыша Клина)*: Тогда поклянись, что ни ты, ни Клим, ни Петр, ни социальный работник не причинят никому из присутствующих никакого вреда.

ДЯДЯ ЖОРА: Как я могу поклясться за всех, ты debil, что ли? Могу только за себя поклясться.

КЛИМ: Я! Я знаю великую тайну и ужасающую глубину смерти и вечности. Только развяжите нас.

ПЕТР: Холодно, холодно. Кто-нибудь еще чувствует холод?

НИКОЛАЙ: Я чувствительнее тебя, и то ничего не чувствую.

ДЯДЯ ЖОРА: Так меня кто-нибудь освободит?

НИКОЛАЙ: Кого именно тебя?

ДЯДЯ ЖОРА: Ну не хочешь освободить меня, освободи кого-нибудь из этих людей. Социального работника. Отчима своего освободи. Собрал тут пыточную камеру. Имей милосердие. Они тут ни при чем.

НИКОЛАЙ: Освободись сам.

ДЯДЯ ЖОРА: Увы мне! Дух силен, а плоть слаба.

НИКОЛАЙ: Так клянешься?

КЛИМ: Я, я знаю великую тайну и ужасающую глубину смерти и вечности!

ПЕТР: Холодно, холодно. Почему я один чувствую холод?

ДЯДЯ ЖОРА: Ладно, клянусь.

НИКОЛАЙ: Чем ты клянешься?

(Дядя Жора засыпает.)

НИКОЛАЙ *(Петру)*: Сходи посмотри, что с ним?

ПЕТР *(прикладывает ухо к его груди)*: Он спит.

НИКОЛАЙ: Так разбуди его.

(Петр пытается разбудить дядю Жору, тот пьяно бормочет во сне и не просыпается.)

КЛИМ: Теперь не разбудишь.

НИКОЛАЙ: Нет, разбужу.

КЛИМ: Да теперь и бесполезно, у него иммунитет, как вы тут выражаетесь. Он ничего не знает.

НИКОЛАЙ: Выходит, ты знаешь?

КЛИМ: Да.

НИКОЛАЙ: Ну что ж, опять все по новой?

КЛИМ: Ладно, карты на стол. Ты меня раздражаешь.

НИКОЛАЙ: А еще говорил, что любишь меня.

КЛИМ: Дебил! Это не Клим говорит.

НИКОЛАЙ: А кто?

КЛИМ: Дух.

НИКОЛАЙ: А.

КЛИМ: Как я тебе уже сказал, ты меня раздражаешь. Ты меня так раздражаешь, что я давно бы ушел к себе и вечно упокоился, но не могу.

НИКОЛАЙ: Почему?

КЛИМ: У меня сообщение.

НИКОЛАЙ: Кому?

КЛИМ: Как я и говорил, карты на стол. Николаю. У меня сообщение Николаю. Надоело ходить вокруг да около. Если ты Николай, я оставляю тебе сообщение, если нет, скажи, и я уйду.

НИКОЛАЙ: Важное сообщение? О великой тайне и ужасающей глубине смерти и вечности?

КЛИМ: Важное. Ты Николай?

НИКОЛАЙ: Мне надо подумать.

КЛИМ: О чем?

НИКОЛАЙ: Николай я или не Николай.

КЛИМ: И я клянусь всеми ангелами ада и что ты там еще говорил, что не причиню тебе вреда и не буду вселяться.

ПЕТР: Надо брать.

НИКОЛАЙ: Ладно. Учитывая все входящие и исходящие, я да, я Николай.

КЛИМ: Точно Николай?
НИКОЛАЙ: Могу паспорт показать.
КЛИМ: Покажи.

(Николай показывает паспорт.)

КЛИМ: Но мое сообщение конфиденциальное. Давай отойдем.
НИКОЛАЙ: Ты не можешь.
КЛИМ: Почему?
НИКОЛАЙ: Ты связан.
КЛИМ: Так развяжи.
НИКОЛАЙ: Нет.
КЛИМ: Ну тогда пусть они уйдут.

(Николай и Петр увлакивают со сцены стул с привязанным социальным работником и укатывают каталку с дядей Жорой. Николай возвращается.)

НИКОЛАЙ: Ну все, говори.
КЛИМ: Так слушай.
НИКОЛАЙ: Я весь ухо.
КЛИМ: Ты сказал «Я весь ухо»?
НИКОЛАЙ: Это значит, я весь внимание.
КЛИМ: Какая ирония!
НИКОЛАЙ: Почему?
КЛИМ: Уж близок час мой, когда в мучительный и серный пламень вернуться должен я.
НИКОЛАЙ: О бедный призрак!
КЛИМ: Нет, не жалея меня, но всей душой внимай мне, Николай!
НИКОЛАЙ: Говори, я буду слушать.
КЛИМ: И должен отомстить, когда услышишь.
НИКОЛАЙ: Что?
КЛИМ: Я дух, я твой отец.
Приговоренный по ночам скитаться,
А днем томиться посреди огня,
Пока грехи моей земной природы
Не выжгутся дотла. Когда б не тайна
Моей темницы, я бы мог поведать
Такую повесть, что малейший звук
Тебе бы душу взрыл, кровь обдал стужей,
Глаза, как звезды, вырвал из орбит,
Разъял твои заплетшиеся кудри
И каждый волос водрузил стоймя,
Как иглы на взъяренном дикобразе;
Но вечное должно быть недоступно
Плотским ушам. О, слушай, слушай, слушай!
Коль ты отца когда-нибудь любил...
НИКОЛАЙ: Погоди, так ты мой отец, что ли?
КЛИМ: Ну да.
НИКОЛАЙ: Я думал, ты умер.
КЛИМ: Я и умер, дебил! Ты говоришь с духом своего покойного отца.
НИКОЛАЙ: То есть я говорю как бы и с отчимом, и с отцом.
КЛИМ: Ну да.

НИКОЛАЙ: То есть дух моего отца говорит со мной посредством тела моего отчима?

КЛИМ: Ну да.

НИКОЛАЙ: Круто! Но ты уверен, что говоришь с сыном? Я-то тебя совсем не видел. Мне было... Три, что ли, когда ты умер.

КЛИМ: Я видел твой паспорт, идиот.

НИКОЛАЙ: А, точно.

КЛИМ: Так я могу продолжить?

НИКОЛАЙ: Да-да, извини.

КЛИМ: На чем я остановился?

НИКОЛАЙ: «Коль ты отца когда-нибудь любил».

КЛИМ: Да! Коль ты отца когда-нибудь любил, отомсти за гнусное его убийство.

НИКОЛАЙ: Убийство?

КЛИМ: Убийство гнусно по себе; но это гнуснее всех и всех бесчеловечней.

НИКОЛАЙ: Кого убили?

КЛИМ: Идиот.

НИКОЛАЙ: Можно ты не будешь ругаться? Я всего лишь стараюсь понять ситуацию.

КЛИМ: Но ты думай хоть немножко.

НИКОЛАЙ: Я стараюсь.

КЛИМ: Хорошо.

НИКОЛАЙ: В конце концов, как я понял, я твой сын.

КЛИМ: Да.

НИКОЛАЙ: Вот и не ругайся на меня.

КЛИМ: Хорошо, хорошо.

НИКОЛАЙ: Так кого убили-то?

КЛИМ (*взрываясь*): Меня! Меня убили.

НИКОЛАЙ: Ну ладно, рассказывай дальше.

КЛИМ: Сначала поклянись, что отомстишь.

НИКОЛАЙ: Ну как я могу это пообещать? А вдруг не смогу?

КЛИМ: Нет, сможешь. Я гарантирую это. Он даже не будет сопротивляться.

НИКОЛАЙ: А, ну ладно.

КЛИМ: Так клянешься?

НИКОЛАЙ: Сделаю все, что смогу.

КЛИМ: Клянешься или нет?

НИКОЛАЙ: Клянусь сделать все, что смогу. Это самое большое, что я могу тебе пообещать.

КЛИМ: Эх, ладно, вижу, ты готов;

Но даже будь ты вял, как тучный плевел,

Растущий мирно у летейских вод,

Ты бы теперь воспрянул. Слушай, Коля;

Идет молва, что я, уснув в саду,

Ужален был змеей; так ухо Вятки

Поддельной басней о моей кончине

Обмануто; но знай, мой сын достойный:

Змей, поразивший твоего отца,

Надел его венец.

НИКОЛАЙ: В смысле?

КЛИМ: Ну чего непонятно?

НИКОЛАЙ: Какой такой венец?

КЛИМ: Ну, в смысле, унаследовал мое состояние, поселился в моем доме и даже более того – женился на моей вдове. Короче, все унаследовал.

НИКОЛАЙ: Погоди, ты сказал «вдове».

КЛИМ: Да.

НИКОЛАЙ: То есть речь идет о моей матери? Раз она твоя вдова, а я твой сын.

КЛИМ: Какой ум! Какая пронизательность!

НИКОЛАЙ: Так после тебя мать за Клима вышла.

КЛИМ: Его и имею в виду.

НИКОЛАЙ: Моего отчима?

КЛИМ: Тебе он отчим, а мне брат.

НИКОЛАЙ: В смысле?

КЛИМ: Чего непонятно-то?

НИКОЛАЙ: Он твой брат, что ли? Родной?

КЛИМ: Да, этот блудный зверь, кровосмеситель,

Волшбой ума, коварства черным даром –

О гнусный ум и гнусный дар, что властны

Так обольщать! – склонил к постыдным ласкам

Мою, казалось, чистую жену;

О Коля, это ль не было паденьем!

Меня, чья благородная любовь

Шла неизменно об руку с обетом,

Мной данным при венчанье, променять

На жалкое творенье, чьи дары

Убоги пред моими!

НИКОЛАЙ: Он мне, получается, дядя? Ну вообще-то он был мне как отец. Ничего плохого сказать о нем не могу.

(Из-за сцены доносится голос Петра.)

ПЕТР: Скоро вы там? Тут холодно.

КЛИМ: Но как вовек не дрогнет добродетель,

Хотя бы грех ей льстил в обличьях рая,

Так похоть, будь с ней ангел лучезарный,

Пресытится и на небесном ложе,

Тоскуя по отбросам.

Но тише! Я почуял воздух утра;

Дай кратким быть. Когда я спал в саду,

Как то обычно делал пополудни,

Мой мирный час твой дядя подстерег

С проклятым соком белены в сосудце

И тихо мне в преддверия ушей

Влил прокажающий настой, чье свойство

Так глубоко враждебно нашей крови,

Что, быстрый, словно ртуть, он проникает

В природные врата и ходы тела

И свертывает круто и внезапно,

Как если кислым капнуть в молоко,

Живую кровь; так было и с моею;

И мерзостные струпья облепили,

Как Лазарю, мгновенною коростой

Все тело мне.

Так я во сне от братственной руки

Утратил жизнь, венец и королеву.

НИКОЛАЙ: Ты снова имеешь в виду дом и жену?

КЛИМ: Я скошен был в цвету моих грехов,
Врасплох, непричащен и непомазан;
Не сведши счетов, призван был к ответу
Под бременем моих несовершенств.

НИКОЛАЙ: Погоди, это все?

КЛИМ: В смысле?

НИКОЛАЙ: Так а что насчет великой тайны и ужасающей глубины смерти и вечности?

КЛИМ: Так ты отомстишь? Ты поклялся!

НИКОЛАЙ: Это она и есть?

КЛИМ: Кто она?

НИКОЛАЙ: Ну, тайна.

КЛИМ: О ужас! Ужас! Но теперь прощай!

Уже светляк предвозвещает утро

И гасит свой ненужный огонек;

Прощай, прощай! И помни обо мне. *(Закрывает глаза.)*

НИКОЛАЙ: Я че-то не понял ничего.

(Один стук.)

КЛИМ *(открывает глаза)*: А где все?

НИКОЛАЙ: Какие все?

КЛИМ: Ну, Жора где?

НИКОЛАЙ: Так что насчет великой тайны и ужасающей глубины смерти и вечности?

КЛИМ: Развязывать-то будешь меня?

НИКОЛАЙ: Мне надо подумать.

(Два стука.)

КЛИМ: Развязывай, debil.

(Три стука.)

ПЕТР *(за сценой)*: Скоро вы там? Холодно же. Открывайте.